

Особенности работы с группами неэквивалентной лексики на занятиях по русскому языку как иностранному

Practical Aspects of Working out Non-equivalent
Lexical Units at Russian as a Foreign Language
Classes

Татьяна Павловна Чепкова
Алина Александровна Позднякова

Абстракт:

В статье рассматриваются особенности работы с группами неэквивалентной лексики на занятиях по русскому языку как иностранному в условиях реализации новых образовательных стандартов. Выделяются три основных пласта неэквивалентной лексики: безэквивалентные, неполноэквивалентные и псевдоэквивалентные единицы. Анализируются приемы и методы лингвострановедческой работы с лексическими единицами разных типов. На многочисленных примерах доказывается важность лексической работы для формирования общезыковой и профессиональной компетенций иностранных учащихся.

Abstract:

This article covers practical aspects of working out non-equivalent lexical units at Russian as a foreign language classes in line with the new educational standards. There are three layers of the non-equivalent lexical units: unique, partly equivalent and quasi-equivalent units. Applicable approaches and methods of regional linguistics with regard to these lexical units are analyzed. Importance of working out the lexical units for forming and developing language and professional competences of the learners is illustrated by multiple examples.

Ключевые слова:

фразеология, фразеологизм, эквивалентная лексика, неэквивалентная лексика, русский язык как иностранный

Key Words:

phraseme, idiomatic phrase, equivalent lexical units, non-equivalent lexical units, Russian as a foreign language

Системная лексическая работа является важным фактором расширения словарного запаса человека. Структурированное введение в лексикон изучающего иностранный язык единиц разного типа (эквивалентных и неэквивалентных) не только способствует развитию индивидуального словаря, но и формирует у иностранца собственный механизм восприятия «чужого мира», поскольку представители разных этносов «весьма различно членят действительность, накладывая на общечеловеческие процессы мышления и особенно вербального оформления мыслей свой специфический отпечаток» (Kostomarov, Mitrofanova 1984, 42).

Эквивалентными единицами являются те, для которых иностранец находит в родном языке полные соответствия. Под неэквивалентной лексикой мы понимаем лексические единицы иностранного языка, не имеющие равнозначных соответствий в родном языке учащегося, то есть относим сюда лексику безэквивалентную, неполноэквивалентную

и псевдоэквивалентную. Такая классификация является упрощенной, однако позволяет выстроить четкую систему работы с лексикой на занятиях по русскому языку как иностранному.

В ходе практических занятий учащимся различных языковых групп целесообразно предлагать значительное количество упражнений на разграничение лексических единиц (далее ЛЕ): 1) эквивалентных и неполноэквивалентных, 2) эквивалентных и безэквивалентных, 3) эквивалентных и псевдоэквивалентных. В качестве словарного материала могут быть выделены, например, следующие лексемы:

- 1) *дневник* (рус. «ученическая тетрадь для записи задаваемых уроков и для отметок об успехах», тождественное пол. *ramięt-nik*, и пол. *dziennik* «книга, в которую записываются служебные операции; журнал»; *митинг* (рус. «общественное собрание или сходка для обсуждения политических вопросов», тождественное англ. *political gathering*, и англ. *meeting* «встреча»); *барак* (рус. «здание легкой постройки, предназначенное для временного жилья», тождественное чеш. *chýška* и фр. *cabane, mesure*, и чеш. *barák* «многоэтажный дом», фр. *baraque* «временная деревянная казарма»); *склеп* (рус. «вырытое в земле закрытое помещение, где ставят гроба с покойниками», тождественное чеш. *hrobka*, и чеш. *sklep* «подвал»); *сметана* (рус. «кисломолочный продукт, получаемый из сливок и закваски», тождественное чеш. *zakysaná smetana* «сметана», и чеш. *smetana* «сливки»); 1 русская лексема – 1 ЛСВ – 2 разные лексемы в др. языках.
- 2) *квас, пиво, сидр* (рус. и чеш., пол., англ.), *кисель, мусс, крем* (рус. и чеш., пол., англ.), *лапоть, сапог, ботинок* (рус. и чеш., пол., англ.), *сарафан, платье, халат* (рус. и чеш., пол., англ.);
- 3) *позор* (рус. «стыд», тождественное чеш. *hanba* или *ostuda*, и чеш. *rozor* «внимание»); *поганка* (рус. «ядовитый гриб, родствен- ный мухомору», тождественное чеш. *prašivka*, и чеш. *pohanka* «гречка»); *мзда* (рус. «взятка» во 2 знач., тождественное чеш. *úplatek*, и *mzda* «плата» (нейтр.)), *кочка* (рус. «бугорок на сырой или заболоченной земле», тождественное чеш. *hrbol*,

и чеш. **kočka** «кошка»); *saraj* (рус. «крытое нежилое помещение для хранения различного имущества», тождественное тур. *ambar*, и тур. *saray* «дворец»); *бардак* (рус. «беспорядок», тождественное тур. *karişiklik*, *dağımlık*, *düzensizlik*, и тур *bardak* «стакан»); *дурак* (рус. «глупый человек», тождественное тур. *aptal*, *salak*, *ahmak*, *budala*, и тур. *durak* «остановка»).

Учащиеся узнают, что безэквивалентная лексика русского языка может обозначать: а) наименования традиционного русского быта (*рассольник*, *холодец*, *душегрейка*, *частушки*); б) историзмы и архаизмы (*сажень*, *аришин*, *золотник*, *пуд*, *кафтан*, *грош*, *лапти*); в) советизмы и слова, отражающие предметы и явления нового быта (*ликбез*, *колхоз*, *рабфак*, *целинник*, *дом (дворец) культуры*, *комсомол*, *коммуналка*, *ЖСК*, *субботник*, *стенгазета*, «*Комсомолка*», *маршрутное такси*); г) слова и словосочетания из фольклора (*за тридцать земель*, *откуда ни возьмись*, *не по дням, а по часам*, *по щучьему веленью*); д) неологизмы и речевые новообразования (*спутник* (попутчик и небесное тело, обращающееся вокруг планеты), *челнок* (мелкий торговец импортными товарами, привозящий их из-за рубежа), *пирамида* (финансовая) и т. д.).

Учащихся сильных групп можно познакомить с развернутой классификацией безэквивалентной лексики В. С. Виноградова (Vinogradov 2001, 172).

В ходе словарной работы учащиеся увидят, что некоторые безэквивалентные слова проникают в другие языки и становятся понятными всем, но живут как слова-иностранцы: например, слова *спутник*, *перестройка*, *гласность* теперь звучат во многих языках именно так.

В ходе работы со словом учащиеся сделают вывод о том, что безэквивалентная лексика не может быть переведена на родной язык иностранца, её надо объяснять с помощью толкования, привлечения средств визуализации, с помощью описательных конструкций.

Например, в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», чтобы спасти свою дочь Машу от восставших под руководством Пугачёва крестьян, капитан Миронов говорит жене: «Одень Машу в сарафан

и отведи...». Переводчики на английский язык долго не могли подобрать нужного эквивалента для слова *сарафан* и написали фразу так: «Одень Машу как крестьянскую девушку». Перевод получился не совсем точным, но английские читатели поняли, что девушку одели как крестьянку, чтобы никто не заподозрил в ней дочь капитана крепости. Слово *сарафан* безэквивалентно по отношению к английскому языку.

Безэквивалентные языковые единицы особенно трудны для восприятия, запоминания и употребления в речи. В методике разработана целая система способов и приёмов их презентации, закрепления и активизации, с помощью которых объясняется не только семантика слова, словосочетания, но и его национально-культурная специфика, связи слова с другими словами, однако в речевой практике иностранцев все равно встречается значительное количество ошибок этой группы. Для их предотвращения целесообразно включать в лингвострановедческий модуль специальные упражнения, например, направленные на анализ текстов различных жанров с целью выявления влияния жанровых характеристик текста на выбор приемов передачи безэквивалентной лексики. Способ перевода безэквивалентной лексики, принесший успех при ее передаче в тексте одного жанра, может стать ошибочным в тексте другого жанра.

Освоение неполноэквивалентной лексики требует более активной текстовой работы, ибо только усвоение распространенных контекстов позволит иностранцу научиться правильному употреблению такой ЛЕ в речи. Например, в русском и английском языках есть слово *митинг*, однако в английском языке *meeting* – это просто «встреча», а в русском – «общественное собрание или сходка для обсуждения политических вопросов» (Manakin 2004, 5), то есть политический контекст для русского слова здесь обязателен, иначе ложно истолкованными могут быть фразы типа *В Москве состоялся митинг против платных парковок и эвакуации; Завтра состоится митинг протеста москвичей, выступающих категорически против сокращения зеленых насаждений в городе; В Мурманске прошёл митинг против повышения цен за проезд в общественном транспорте.*

Важно отметить и семантическую неоднородность значений многих лексем сопоставляемых языков, о чем пишут лингводидакты и методисты, в частности Р. А. Кузнецова: «Немецкое слово *der Finger* имеет более узкое понятие, чем русское слово *палец*, ибо *пальцы* включают еще семантически немецкое слово *die Zehe* – пальцы ног. В то же самое время немецкое слово *die Zehe* семантически шире, чем русское *палец*, особенно в оборотах речи: *auf den Zehen gehen* – «ходить на цыпочках»; *vom Wirbel bis zur Zehe* – «с головы до пят». Аналогично русское слово *нога* соответствует двум немецким словам *das Bein, der Fuß* или *рука – die Hand, der Arm* – в немецком; *hand, arm* – в английском. Немецкое *das Glas* и английское *glas* соответствуют русским словам: *стекло, стакан, рюмка, очки, бинокль*» (Кузнецова 1979, 12).

Также учащиеся познакомятся с **псевдоэквивалентной** лексикой, которую можно ложно истолковать в силу сходного звучания. Имея «общий» план выражения, псевдоэквивалентные слова различаются семантически, то есть за ними стоят различные реалии. Так, для чешского учащегося непонятно, почему слово **позор** и его дериваты используются в русском языке в специфических контекстах, особенно в кинофильмах советского периода: *Позор расхитителям социалистической собственности!*, *позорное бегство*, *позорное клеймо*, *позорное поведение*, *позорная история*, *позорное прошлое*, ФЕ *призводить к позорному столбу* и под. В чешском языке **позор** – это «внимание», ср. чеш. «*Pozor, vzteklý pes!*», тождественное рус. «Осторожно, злая собака!», чеш. «*Pozor, výprodej!*», тождественное рус. «Внимание, распродажа!», чеш. «*Pozor, policie varuje!*», тождественное рус. «Внимание, полиция предупреждает!»

Полезным в этой связи будет обращение учащихся (особенно сильных групп) к историко-этимологическим связям слова. Эволюция значения слова, этапы его переосмысления, представленные в формах лексических упражнений, однозначно положительно повлияют на пополнение личного словаря учащихся. Для этой цели можно, например, использовать слова Ю. В. Откупщикова, который в своей книге «К истокам слова» пишет: «... слова *позор* и *позорище* в древнерусском

языке имели значение «зрелище», то есть буквально: «то, что представляется взору» (ср. слова зоркий, зреть «смотреть», зритель). Это же древнее значение мы находим и у таких древнерусских слов, как позоратель «очевидец, свидетель», позоратай «зритель» и др. Современное значение слова позор появляется позднее...» (Откуп-ščíkov 1968, 6). Эту цитату вполне можно проиллюстрировать примерами русской классики и попросить учащихся определить значение выделенного слова в контексте.

Учащимся будет полезно узнать, что, например, в языке ранних стихотворений А. С. Пушкина слово *позор* употребляется в своем старом, церковно-славянском значении: 'зрелище', а с начала 20-х годов это архаическое значение слова *позор* в языке поэта отмирает и с этого времени Пушкин употребляет слово *позор* в современном значении: 'бесчестье, постыдное, презренное положение'. Сравнение контекстов позволяет учащимся не только понять значение слова, но и почувствовать историко-литературный контекст. См.:

Пример 1. Ода «Вольность» (1817):

*Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный **позор**.
(то есть зрелище гибели, разорения законов).*

Пример 2. Стихотворение «Деревня» (1819):

*Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный **позор**.*

Пример 3. Поэма «Руслан и Людмила» (1818–1820):

*Но между тем какой **позор**
Являет Киев осажденный?*

Пример 4. Стихотворение «Кинжал» (1821):

*Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия **позора** и обиды.*

Пример 5. Стихотворение «Наполеон» (1821):

*И Франция, добыча славы,
Пленный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный **позор**.*

Пример 6. Стихотворение «Недвижный страж дремал» (1823):

*Таков он был, когда с победным договором
И с миром и с **позором**
Пред юным он царем в Тильзите предстоял.*

Пример 7. Поэма «Цыганы» (1824):

*Что бросил я? Измен волненье,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный **позор**.*

Пример 8. Стихотворение «Дружба» (1825):

*Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства **позор**?*

К псевдоэквивалентным можно отнести и лексемы *magazine* «периодическое издание, содержащее статьи, рассказы» в английском и *магазин* «помещение, приспособленное для розничной продажи товаров», «склад» (*Sovremennyyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*, 2007, 9) в русском языках. Наличие в языках псевдоэквивалентной лексики может приводить к неправильному пониманию ситуации, что необходимо предупредить путем включения подобного материала в упражнения.

Специфической особенностью лексических единиц, важной для их лингвострановедческого толкования, является и тот факт, что они

могут обладать **коннотацией**, то есть передавать не только семантику, но и отношение говорящего к фактам, событиям, реалиям действительности, вносить в слово дополнительные оттенки значений.

В русском языке коннотативное значение может выражаться: а) суффиксами субъективной оценки (*глаз – глазастый, синий – синенький, солнце – солнышко, нос – носище*); б) экспрессивно-окрашенными словами (*ерунда, гляделки, балда*); в) словами с особой внутренней формой (*жульё, барахло, старьё*); г) словами, созданными на основе звукоподражаний (*булькать, гавкать, хрюкать*). Иностранцы зачастую не видят негативной коннотации в этих и подобных словах (например, в качестве однотипных воспринимаются предложения *Собрались старики* и *Собралось старичье, Жена что-то промяукала* и *Жена что-то протявкала, Девушка глазастая* и *Девушка носастая*), что приводит к некоррекностям письменной речи и конфликтным ситуациям в живом общении: для китайца «круглые глаза» и «высокий нос» являются признаком красоты и, соответственно, ничего плохого не усматривается в употреблении суффикса *-аст-* при образовании прилагательных от существительных *глаз* и *нос*.

Кроме традиционного понимания, очевидно, следует говорить и о коннотации страноведческой, то есть о тех оттенках значения, которые оказываются недоступными для понимания иностранца в силу заложенного в слове страноведческого, национально-культурного потенциала. Так, страноведчески коннотативно окрашено слово *колокол*. Колокол воспринимается носителями русского языка как символ свободы, символ призыва к борьбе или, например, символ опасности, потому что в древности в колокол звонили, если приближался враг или неожиданно случался пожар.

В сознании китайцев слово *сорока* вызывает положительные ассоциации. Китайцы знают: если прилетает сорока, это признак того, что человека ожидает радость. В сознании русских *сорока* – это сплетница, приносящая различные, часто неприятные новости: «*Сорока на хвосте принесла*», – говорят по-русски, когда не называют источник получения сведений.

Некоторые суффиксы (-ик-, -чик-, -к- и др.) могут выражать эмоционально-экспрессивные оттенки значений, например уменьшительно-ласкательное значение: *На окраине города стоял маленький домик*. Но эти же суффиксы могут выражать и коннотативные оттенки страноведческого характера. В предложении *Не хотите ли чайку?* говорящий, употребляя суффикс, показывает своё вежливое и очень уважительное отношение к собеседнику, которому предлагается чай, и любовное отношение к предлагаемому напитку. Но такое же толкование применительно к похожей фразе *Не хотите ли водочки?* вряд ли будет уместным и, скорее, вызовет улыбку у иностранца, нежели понимание.

Для выражения эмоций и субъективного отношения к содержанию высказывания или к собеседнику служат и частицы. Русский язык отличается особыми богатством тончайших оттенков смысла, эмоциональной окраски, неповторимого национального колорита, передаваемого частицами: *ли, не...ли, даже, ведь* и др. Определение значений частиц в предлагаемых текстах является очень полезным видом упражнений для иностранных учащихся. Например, непонятными для них без соответствующего комментария и абсолютно неразличимыми будут контексты *Что за прелесть эти сказки!* (А. С. Пушкин) – *Что за день! Дождь и дождь.* – *Что за странная история?!* Выполнение упражнений на разграничение значений частиц в рамках лингвострановедческого модуля будет способствовать развитию общеязыковых умений и пополнению фоновых знаний.

В ходе лингвострановедческой работы иностранные учащиеся осознают не только основное значение слова, но и его дополнительные смысловые оттенки, а также тематические и синтаксические связи слова, то есть его **лексический фон** (Vereščagin, Kostomarov 1980, 25–6).

Так, если лексический анализ слова сочетать с описанием его тематического и синтаксического окружения, то через эти связи иностранные учащиеся смогут не просто овладеть языком, но и познакомиться с некоторыми элементами русской культуры.

Например, при семантизации безэквивалентного по отношению ко многим языкам слова *квас* необходимо не только методом толкования объяснить учащимся, что собой представляет этот напиток, как он

выглядит и когда он используется, но и описать его тематические связи. Слово *квас* входит в тематическую группу наименований напитков: *компот, морс, сидр, пиво* и др. Оно имеет синтаксические связи с прилагательными: *русский, монастырский, хлебный, ягодный, разливной*, с глаголами: *делать квас, пить квас, поить/угощать квасом* и т. п. Кроме этого, преподаватель не может не рассказать учащимся о русских традициях и о том, что квас является основным ингредиентом другого русского блюда – *окрошки*, которое обычно едят летом, в жаркую погоду. Таким образом учащиеся получают некоторые лингвострановедческие знания об особенностях русской кухни и традициях русского угощения. См. у И. Шмелева: «Квас всякий – хлебный, кислощeyный, солодовый, бражный, давний – с имбирем...» (И. Шмелев. Лето Господне).

Для расширения тематических связей слова здесь также могут быть приведены фразеологизмы: *перебиваться с хлеба на квас* – «жить очень бедно, терпеть нужду, лишения» (Molotkov et al. 1986, 313), *квасной патриотизм, квасной патриот* – «упрямая, тупая приверженность к бытовым мелочам национального быта» (Ušakov et al. 1935–1940, t. 1, 1346) и под.

В сильных группах иностранных обучаемых можно предложить для обсуждения полемику И. С. Тургенева и Н. А. Некрасова об истинном и ложном патриотизме, чтобы выявить связи мотивирующего слова с образом ФЕ.

И. С. Тургенев: «Я... *квасного патриотизма* не понимаю. При первой возможности уйду без оглядки отсюда, и кончика моего носа не увидите!».

Н. А. Некрасов: «В свою очередь и ты предаешься ребяческим иллюзиям. Поживешь в Европе, и тебя так потянет к родным полям и появится такая неутолимая жажда испить кисленького, *мужичьего квасу*, что ты бросишь цветущие поля и возвратишься назад, а при виде родной березы от радости выступят у тебя слезы на глазах» (Panajeva 1956, 282).

В этом случае безэквивалентная лексема *квас* будет не только семантически оформлена в сознании иностранца, но и получит дополнительные культурно-семиотические характеристики.

В заключение напомним слова Н. Д. Арутюновой о том, что «естественный язык отражает мир человека в его национально специфических вариантах» (Arutjunova 1999, 33). То есть без глубокого понимания семантики неэквивалентной лексики невозможным будет формирование в сознании учащего ассоциативных связей с номинируемым предметом или явлением, а при отсутствии «образа слова» невозможно правильное использование лексемы. Поэтому задачей преподавателя русского языка как иностранного является подбор грамотного методического инструментария, обеспечивающего быстрое и беспроблемное усвоение учащимися неэквивалентной лексики.

Литература:

- Arutjunova, Nina Davidovna. 1999. *Jazyk i mir čeloveka*. Moskva: Jazyki ruskoj kul'tury.
- Kostomarov, Vitalij Grigor'jevič, a Ol'ga Danilovna Mitrofanova. 1984. *Metodičeskoje rukovodstvo dlja prepodavatelej russkogo jazyka kak inostrannogo*. Moskva: Russkij jazyk.
- Kuznecova, Roza Arkad'jevna. 1979. *Izučeniye inostannyh jazykov v nejazykovom vuze*. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Manakin, Vladimir Nikolajevič. 2004. *Sopostavitel'naja leksikologija*. Kijev: Znanija.
- Molotkov, Aleksandr Ivanovič et al. 1986. *Frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka*. Moskva: Russkij jazyk.
- Otkupščikov, Jurij Vladimirovič. 1968. *K istokam slova*. Leningrad: Prosvěščenije.
- Panajeva, Avdot'ja Jakovlevna. 1956. *Vospominanija*. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo chudožestvennoj literatury.
- Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. 2007. Gl. red. Sergej Aleksandrovič Kuznecov. Sankt-Peterburg: Norint.
- Ušakov Dmitrij Nikolajevič et al. 1935–1940. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. V 4-ch tomach*. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nych slovarej.

Vereščagin, Jevgenij Michajlovič, a Vitalij Grigor'jevič Kostomarov.
1980. *Lingvostranovedčeskaja teorija slova*. Moskva: Russkij jazyk.
Vinogradov, Venedikt Stepanovič. 2001. *Vvedenije v perevodovedenije
(obščije i leksičeskije voprosy)*. Moskva: Izdatel'stvo Instituta obščego
srednego obrazovanija RAO.

Татьяна Павловна Чепкова, кандидат фи-
лологических наук, профессор
кафедра русского языка как иностранного
Московский педагогический государствен-
ный университет
пр. Вернадского 88
119 571 Москва
Российская Федерация
tachep@mail.ru

Алина Александровна Позднякова, канди-
дат педагогических наук, доцент
кафедра русского языка как иностранного
Российский государственный университет
имени А. Н. Косыгина
Садовническая ул. 33, стр. 1
117 997 Москва
Российская Федерация
apozdnyakova@live.ru